

УДК 81.37
DOI 10.17223/18137083/70/19

Н. П. Перфильева

Новосибирский государственный педагогический университет

**Модальное слово (*и*) действительно:
семантика, текстовые потенции**

Статья посвящена проблеме взаимодействия таких модусных категорий, как согласие, авторизация, достоверность, метатекст и восприятие. Предмет анализа – модальное слово (*и*) действительно как ядерный показатель согласия и как синкретичный показатель модусных категорий. Компоненты модусной семантики этого модального слова выявляются при текстоцентрическом подходе. Автор рассматривает функционирование этой вводной единицы на материале романа Б. Окуджавы и рассказов К. Паустовского, применяя дистрибутивный анализ и учитывая такие параметры, как позиция модального слова в предложении и абзаце, форма организации речи (монологическая / диалогическая), и их соотношение в текстовом фрагменте.

Ключевые слова: модальное слово, модусная категория согласия, авторизация, достоверность, восприятие, художественный текст, диалогичность, синкретичность.

Вводные замечания

Модальное слово *действительно* (и его вариант *и действительно*), как и реже употребляющийся синоним *на / в самом деле*¹, неоднократно попадали в поле зрения лингвистов. Обычно они встречаются в списке вводных слов, выражающих модусную категорию достоверности [Яковлева, 1983; Беляева, 1990; Баранов и др., 1993; Корнилов, 2003]; рассматривают и их функционирование в предложениях с разной целеустановкой [Буглак, 1990] и в речевом акте возражения [Булдыгина, Шмелев, 1997]. В более ранней работе мы исследовали лексему *действительно* на материале публицистических и художественных текстов, применяя методику дистрибутивного анализа, под углом зрения двух взаимосвязанных,

¹ Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Под ред. В. В. Морковкина. 2-е изд. М.: Астрель, 2002. С. 103.

Перфильева Наталья Петровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; perfisha@rambler.ru)

на наш взгляд, проблем: а) модусной организации высказывания; б) дифференциации модального слова и частицы². Было показано, что семантика и коммуникативно-прагматические функции лексемы *действительно* зависят 1) от синтаксической позиции в предложении, 2) от целеустановки окружающих ее высказываний в контексте, 3) от формы организации текста (монологической или диалогической). Семантика вводной единицы (*и*) *действительно* была определена как «согласие с мнением, высказанным ранее, подтверждение признания достоверности и правильности мысли, высказанной ранее другим лицом или самим говорящим» [Перфильева, 1996]. По сути дела, речь шла об экспликации модусной категории согласия.

Тем не менее в современной специальной лексикографии встречается интерпретация словарной единицы *действительно*, которая ставит пользователя в трудное положение, «затемняет» ситуацию, например: «*Действительно*, частица. Неустойчиво вводное слово, решение об обособлении принимает автор: *действительно* обособляется в функции вводного в модальном значении “уверенность” в ситуации, когда говорящий убеждается в реальности сообщаемого, с оттенком удивления <...>»³. Как видим, в словарной статье не только в линейной цепочке стоят две противоречащие грамматические пометы, но и семантическая интерпретация словарной единицы не учитывает теоретические исследования в области синтаксиса и лингвистической прагматики, а также не опирается на текстоцентрический подход.

Цель статьи – исследование компонентов модусной семантики этого модального слова в разных стилях и текстовых потенциях вводной единицы (*и*) *действительно* в художественном тексте. Задачи решаются при дистрибутивном, компонентном и текстоцентрическом подходах.

Поводом для продолжения исследования этой единицы в текстоцентрическом плане послужили роман Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов» и рассказы К. Г. Паустовского, а также при размышлении над тенденциями функционирования (*и*) *действительно* был привлечен иллюстративный материал из других источников разной стилистической направленности.

Модусные значения вводной единицы (*и*) *действительно*

В текстовом фрагменте рассматриваемая вводная единица занимает интерпозицию, а ведущей синтаксической позицией в предложении является инициальная, например:

«Неправда!» – негодует Муравьев. *Действительно*, неправда; иначе зачем бы восставать? (Н. Эйдельман).

² Ср. примеры с акцентирующей частицей *действительно*:

– Доброе лето! – серьезно сказал Федя.

Эти слова, должно быть, он слышал от кого-нибудь из деревенских стариков. Лето было *действительно* полно неуловимой доброты – и в легком шуме дождей, и в запахе зреющей пшеницы – предвестнике урожая (К. Паустовский. Воронежское лето);

Сегодня Государственная премия России в области литературы и искусства – это *действительно* высшая награда государства, она дается людям, чьи имена и чья деятельность вызывают уважение всего общества (Андр. Максимов // РГ. 2018. № 230).

³ *Остроумова О. А., Фрамполь О. Д.* Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. Опыт словаря-справочника. М.: Изд-во СГУ, 2009. С. 111.

В научном, мемуарном и публицистическом текстах (*и*) *действительно* может располагаться в диалогическом или монологическом контекстах на границе предложений: а) вопросительного и невопросительного; б) невопросительного и невопросительного.

В диалогических единствах эксплицитна модусная семантика согласия модального слова, например:

– ...Другая жгучая проблема – одинокие женщины с детьми.

– *Действительно*, жизнь больно по ним ударила – это видно и из писем в «АиФ» (Аргументы и факты. 1992. № 42).

В диалогическом единстве представлены две позиции – адресата и адресанта. Один из собеседников высказывает мнение, а другой соглашается с ним, эксплицируя не только согласие с помощью языковой формы *действительно* («да, я согласен / подтверждаю»), выполняет контактную функцию, сигнализируя «поддерживаю контакт». При элиминации *действительно* значение ‘согласие с собеседником’ выражено менее ярко, реплика адресата выглядит как косвенное высказывание, читателю требуется дополнительное время для вдумчивого чтения и осознания, что позиции собеседников не противоречат друг другу. Ослабевает связность реплик. Ср.: – ...*Другая жгучая проблема – одинокие женщины с детьми. – Жизнь больно по ним ударила – это видно и из писем в «АиФ».*

Если (*и*) *действительно* находится в той же позиции между вопросительным и невопросительным предложениями, усложняются его семантика и коммуникативно-прагматические функции, по сравнению с предыдущим контекстом:

Известно, что уровень развития футбола в городе определяется, как правило, положением дел в ведущей команде мастеров. В связи с этим, каковы взаимоотношения областной федерации с футбольным клубом и непосредственно с командой «Чкаловец»?

– *Действительно*, успехи сильнейшей команды неразрывно связаны с популярностью футбола в городе, и наша задача – пробудить интерес к игре прежде всего у молодежи (Футбол: Календарь-справочник, 1990).

В данном случае намерение адресанта – получить истинную информацию, «точное знание», так как журналист имитирует с помощью вопроса, который предваряет суждением, подсказывающим ответ собеседнику, свое знание как неточное. С помощью *действительно* адресат выражает не просто согласие с мнением собеседника, эксплицируя данный субъективный смысл, но и подчеркивает ‘уверенность в сообщаемой информации’. Следовательно, в модусном плане модальное слово выступает здесь как синкретичный показатель.

Гораздо чаще *действительно* функционирует в монологических контекстах, в рамках сложного синтаксического целого (далее – ССЦ) или на границе двух ССЦ, имея значение ‘я согласен / подтверждаю’ и располагаясь в невопросительных предложениях.

Действительно при этом находится а) между высказываниями, которые отражают точки зрения разных лиц; б) между высказываниями, которые отражают точку зрения одного лица.

а) Чаще всего встречаются контексты, в которых представлены не противоречащие мнения разных людей, например:

Иногда стоит лишь, произнести фамилию Михалков, как слышишь в ответ: «О, дядя Степа!». *Действительно*, дядю Степу знают все (А. Алексин).

В первой фразе имплицитно содержится смысл «дядя Степа известен всем». «Скрытый» диалог проявляется в том, что, вводя лексему *действительно*, автор эксплицирует смысл «и я считаю так же, согласен с приведенным мнением». Бо-

лее того, автор маркирует 'я делаю вывод'. При элиминации слова высказывание не разрушается, но границы между его элементами размыты, не ясно, чье мнение, чей вывод обозначены во втором высказывании. Ср.: *Иногда стоит лишь произнести фамилию Михалков, как слышишь в ответ: «О, дядя Степа!»*. Дядю Степу знают все. В этом случае *действительно* выступает как синкретичный показатель, соединяющий семантику согласия и метатекста [Перфильева, 2006].

б) Часто встречаются контексты, которые отражают точку зрения одного лица и в которых модальное слово *действительно* располагается на границе между тезисом и его развернутым обоснованием / иллюстративным примером. Так, в контексте

Опыт научил меня главному – дифференцированно подходить к пленным.

Действительно, с кем только не приходилось иметь дело! Были среди пленных спесивые, трусливые, угодливые, забытые, безразличные, с университетскими дипломами и совершенно неграмотные, совсем юные и пожилые, солдаты и генералы, кадровые вояки и новобранцы, эсэсовцы и фольксштурмисты, матерые и махровые обыватели... Естественно, были и думающие, разуверившиеся в нацистской пропаганде. Встречались и убежденные антифашисты, порой с риском для жизни перебежавшие к нам из вражеских окопов. Но не эти люди составляли основной контингент тех, с кем нам приходилось работать... И в каждом случае требовалась своя «тональность» допроса. Первейшая задача – определить, где вранье, где хвастовство, где добросовестное заблуждение, где искреннее желание выложить правду и где сознательная дезинформация (Им. Левин. Язык и «языки»)

в первом предложении автор выдвигает тезис, а следующий абзац вводит с помощью лексемы *действительно*, как очевидец развернуто подтверждает истинность тезиса, подчеркивая уверенность в сообщаемой информации. При такой организации текстового фрагмента читатель легко выделяет тезис и аргументирующую часть. Таким образом, слово выражает семантику подтверждения истинности предшествующего высказывания и является показателем метатекста в тексте.

Как и в диалогических контекстах, в монологических фрагментах *действительно* располагается на границе «неточное – точное знание», например:

Судя по поспешности, с которой люди расступились перед иконой, к ней подходил кто-то важный. *И действительно*, это был сам главнокомандующий Кутузов (Л. Раковский. Кутузов).

В первом предложении «неполное» знание эксплицируется неопределенным местоимением (*кто-то*) и предположением (*судя по поспешности, с которой люди расступились перед иконой...*) о том, что речь идет о важной персоне. Автор, будучи участником события, визуально наблюдает ситуацию сначала издалека (сторонний наблюдатель), а затем вблизи (непосредственный наблюдатель), в результате чего уверен в истинном положении дел, получая полное и точное знание. Истинность гипотезы подтверждает формой *и действительно* ('я знаю точно и подтверждаю это'). При элиминации исследуемой формы изменяется смысл высказывания. Ср.: *Судя по поспешности, с которой люди расступились перед иконой, к ней подходил кто-то важный. Это был сам главнокомандующий Кутузов*. Следовательно, автор намеренно строит повествование «порциями», с помощью *и действительно* автор актуализирует свое поэтапное восприятие описываемых событий, в трансформации второе высказывание не актуализировано, а главное, исчезает оттенок личной причастности автора.

Итак, в подобных высказываниях не просто четко определена граница между гипотезой (как «неточным» знанием) и подтверждением ее (как «истинного положения дел»), но и (*и*) *действительно* концентрирует внимание читателя на правом контексте. Само вводное слово является синкретичным модусным показателем, соединяющим семантику достоверности, авторизации и согласия. А самое главное, в этом случае актуальна фоновая семантика восприятия.

Текстовые потенции модального слова в художественном тексте

Независимо от формы организации художественного текста вводная единица *действительно* является эксплицитным средством выражения формальной связности – **скрепой** – а) реплики говорящего и реплики-реакции в диалогическом единстве, б) в текстовых фрагментах при монологической организации текста или в) при комбинации диалогической и монологической форм в художественном тексте.

а) В диалогических текстовых фрагментах в романе Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов» и в рассказах К. Паустовского практически не встречается стандартный семантический вариант *действительно* (или его синоним *на / в самом деле*), свойственный диалогической речи. В этом случае он употребляется «для подтверждения признания правильности того, что сказано ранее»⁴, иначе говоря, выполняет семантическую функцию экспликации модусной категории согласия и текстовую (обеспечивая семантическую связность)⁵.

В романе Б. Окуджавы встречаются только примеры выражения словом *действительно* **псевдосвязности** (когда наблюдается формальная связность при отсутствии семантической), например:

1) – Здравствуйте, я ваша тетя... – засмеялся Коко и вздохнул.
– *Действительно*, – сказал Мятлев в раздражении, – где же ваша те-
тушка?

Коко указал глазами на дверь (Б. Окуджава).

2) – Ваше сиятельство, – сказал Афанасий, пользуясь расположением Мятлева, – зачем же вы, если позволите, меня ожените, а, ваше сиятельство?

– *Действительно*, – ответил Мятлев. – Но разве тебе так уж не нравится твоя жена?

– Глупы-с, – ответствовал камердинер. – Ведь я ее бью, ваше сиятельство, а она мне ручки целует, терпит-с, если позволите, прощает-с (Б. Окуджава).

Как видим, в репликах-реакциях исследуемое вводное слово не выражает ни согласия с чьим-то мнением, ни подтверждения его слов, а выполняет только контактную функцию. Оно формально указывает на реакцию собеседника на реплику говорящего (*тетя, ожените*), что поддерживается однокоренными словами (*те-тушка, жена*). Однако в правом контексте происходит смена темы разговора.

⁴ Объяснительный словарь русского языка... С. 103

⁵ Ср с классическим примером:

– Ах, Настя! Знаешь ли что? Наряжусь-ка я крестьянкою!

– *И в самом деле*; наденьте толстую рубашку, сарафан да и ступайте смело в Турилово; ручаюсь вам, что Бекетов уж вас не прозевает (А. Пушкин. Барышня-крестьянка).

б) В монологических текстовых фрагментах вводная единица *действительно* располагается стандартно, будучи практически везде сигналом текстовой категории диалогичности.

В рамках **одного** ССЦ вводная единица может занимать инициальную позицию в предложении и интерпозицию в абзаце, например:

Изба стояла на самом юру. С него, по словам Аграфены, было видно «половину России». *Действительно*, вид был широкий: за лугами блестела извилистая речка, за ней желтели пологие пажити, стояли деревни, а за ними закрывал кругозор темный лес (К. Паустовский. Мать и дочь).

В этом контексте представлены две точки зрения, два фокуса, что эксплицируется парой показателей авторизации – специализированным (*по словам Аграфены*) и имплицитным, автора (*действительно*). Следовательно, очевидна роль авторизационного модусного ключа, а не только эксплицитна семантическая функция слова *действительно* – показателям модусной категории согласия.

В текстовом фрагменте вводная единица может занимать инициальную позицию в абзаце и одновременно в предложении, например:

Все было покинуто в разрушающемся доме: литературные упражнения, наставления древних; Афанасий, бьющий свою Аглаю; Аглая, посягающая на самого князя. Воистину и дом, и вся жизнь – все трещало по швам, не будучи скреплено делом, пристрастием, горячей кровью и здоровьем...

Действительно, думал князь с пафосом, в полубреду: «Что я? Жалкие потуги на страдание – вот мой удел. Где же цель, влекущая всех, даже ничтожного господина Колесникова? Какие бури я преодолел? Ради кого я пожертвовал собой?» (Б. Окуджава).

Фокус высказываний первого абзаца этого текстового фрагмента не ясен: он может как принадлежать повествователю, так и быть воспоминанием-рефлексией самого персонажа. Вводная единица в начале второго абзаца вместе с показателем авторизации *думал князь* сигнализируют, что вводятся мысли самого персонажа как интерпретация событий, перечисленных в первом абзаце, подтверждающая точность оценки.

Ср. с ССЦ, где представлена внутренняя речь персонажа, отражающая его внутренний диалог:

Арсеньеву заняла мысль: а что, ежели и ей, следуя народному поверью, сломать старый дом, где произошло столько несчастий? *Действительно*, входя в тарханский дом, она в каждой комнате видела вещи, которые принадлежали навеки ушедшим от нее людям, в каждой комнате мерещились ей знакомые голоса (Т. Вечорка-Толстая. Детство Лермонтова).

Вводная единица также маркирует границу между мыслью в форме вопросительного предложения и ответом, который выражает обоснование возникшей мысли-гипотезы, а значит, согласие с ее целесообразностью.

На границе двух ССЦ вводная единица *действительно* может соединять разные по времени эпизоды в жизни одного персонажа, например:

Переборов невыносимую боль, причиненную эти известием, она решила отправиться в Петербург и броситься Бенкендорфу в ноги. <...> Новый удар подкосил ее. Болезнь разгорелась ярким пламенем. О поездке в Петербург нечего было и думать. Как раненый зверь торопится укрыться в своем логове, как перелетные птицы, устав от мытарств перелета, стремятся, напрягая последние силы, добраться до прошлогоднего своего гнезда, где они родились и окрепли, так и она, иссушаемая болезнью, вспомни-

ла о своем детстве и отправилась в Калужскую губернию, в бывшую деревню своего отца, где, как она знала, проживала ее старая кормилица.

Действительно, все вокруг было таким, как она помнила. И старая кормилица была жива и узнала Александрина. Она обрадовалась ей и поселила в своей маленькой избе, где жила одиноко <...> (Б. Окуджава).

Как видим, первое ССЦ заканчивается многочленным сложным предложением, которое содержит информацию о доле сомнения персонажа в достоверности воспоминаний и имплицитно выражает модальность ожидания. Модальное слово *действительно* выступает как сигнал подтверждения ожидаемого, достоверности воспоминания (*как она помнила*), а также оправдания надежды, на основе прямого (визуального) восприятия.

в) В художественном тексте регулярно встречаются разные комбинации монологической и диалогической речи. Исследуемая вводная единица **стандартно** занимает инициальную позицию в предложении и абзаце, который является фрагментом монологической речи и следует за абзацем, представляющим диалогическую речь.

Рассмотрим типичные примеры.

1) По сторонам тропы высокими и крутыми стенами стоял шиповник и цвел таким алым и влажным огнем, что даже ранний солнечный цвет, падавший на листву, рядом с цветами шиповника казался холодным и бледным. Казалось, что цветы шиповника навсегда отделились от колючих веток и висят в воздухе, как яркое маленькое пламя. В зарослях шиповника озабоченно гудели шмели, черные с золотыми полосками на спине.

– Георгиевские кавалеры, – заметил летчик.

Действительно, шмели были похожи на коротенькие ленты от Георгиевских медалей. И вели они себя бесстрашно, как старые бойцы, не обращая внимания на людей и даже сердясь на них (К. Паустовский. Шиповник).

В этом рассказе субъект визуального восприятия – главный персонаж, Маша. Монологическую ткань текстового фрагмента разрывает реплика, принадлежащая другому персонажу (аудиальное восприятие Маши). Вводное слово возглавляет абзац, который сообщает о ментальном процессе главного персонажа, обусловленном визуальным восприятием элемента окружающего мира и интерпретацией его собеседником. О связи восприятия и ментального пишет Н. К. Рябцева [2005]. *Действительно* сигнализирует о согласии субъекта визуального восприятия с интерпретацией собеседника (метафорой *Георгиевские кавалеры*).

2) В романе Б. Окуджавы неоднократно встречается вариант, когда в монологический текст «врезан» диалог персонажей:

Через два дня интендант был приглашен для допроса, а возвратился сияющий, возбужденный. Оказалось, его дело счастливо завершилось, ибо, как он рассказывал, выложил чистую правду, а те, мол, что пытались выкручиваться и оправдываться, о судьбе их даже страшно подумать.

– Так моя чистая правда – это полное неведение, – сказал, улыбаясь, Жильцов.

– Э-э-э, батенька, – засмеялся интендант, – все запираются, сказываясь несведущими. А запирательство, знаете, чем грозит?

Действительно, на следующий день интенданта выпустили, а Жильцова повезли допрашивать. Конечно, он и не думал по врожденной порядочности и благородству отрицать, что в злополучный день оказался среди мятежников, так ведь это вот как получилось. Его попросили назвать имена

знакомых офицеров, и он простодушно и с радостью их перечислил, ибо их все видели, а молчание могли расценить как заpiresательство (Б. Окуджава).

В этом текстовом фрагменте несколько фокусов. Позиция повествователя и персонажей (интенданта, Жильцова) отражена в монологическом абзаце, первом и заключительном, а позиция персонажей – в диалогическом единстве. Сферой действия слова *действительно* является возглавляемый им заключительный абзац. В нем повествователь сообщает о дальнейших событиях, и излагается внутренняя речь Жильцова.

В данном текстовом фрагменте реализуется **принцип эпифоры**: конечная предикативная единица в заключительном абзаце (*молчание могли расценить как заpiresательство*) не только перекликается с конечной фразой реплики Жильцова (*А заpiresательство, знаете, чем грозит?*), но и с финальной частью первого абзаца (*выложил чистую правду, а те, мол, что пытались выкручиваться и оправдываться, о судьбе их даже страшно подумать*).

3) Во второй модели диалогическая речь перемежается фрагментами монологической речи, в которых сообщаются детали коммуникативной ситуации, а далее *действительно*, как и в предыдущем примере, возглавляет высказывание, содержащее осмысление ситуации и интерпретацию того, что визуально воспринимает участник коммуникации.

Рассмотрим пример, в котором Б. Окуджава с помощью пунктуации помогает адекватно декодировать текст (здесь тире используется классически – при оформлении диалога, а кавычки – как знак ментального процесса):

– Господин ван Шонховен?

И он, дружелюбно распахнув руки, пошел навстречу гостю, так и не успев прикрыть халатом растерзанную кружевную рубашку.

– Ах! – воскликнул мальчик и быстро отвернулся.

«*Действительно*, – спохватился князь, – и туалет и рожа с похмелья».

Весь текстовый фрагмент заканчивается контекстом с вводным словом *действительно*. Как всегда, оно занимает стандартную (инициальную) позицию в предложении и абзаце.

В текстовом фрагменте сталкиваются зрительное / аудиальное восприятие реального события персонажем и повествователем и ментальный процесс повествователя по поводу этого события. Граница между ними маркирована вводным словом. Заключительное высказывание в силу его содержания и пунктуационного оформления можно интерпретировать как текстовую вставку с вербальным показателем.

Итак, текстоцентрический подход к исследованию вводных единиц в сочетании с традиционными для синтаксиса методами исследования позволяет уточнить семантику модального слова (*и*) *действительно* и ее роль в экспликации текстовых категорий. Оно, занимая стандартную позицию для вводного слова *действительно* – инициальную в предложении и, как правило, в абзаце – эксплицирует текстовые категории связности и диалогичности, что обусловлено его семантикой как ядерного показателя модусной категории согласия. Модальное слово (*и*) *действительно* регулярно является синкретичным показателем: оно часто выполняет роль показателя авторизационного модусного ключа (сема 'говорящий') и метатекста, а иногда подчеркивает 'уверенность в сообщаемой информации'. Семантика подтверждения / согласия, особенно уверенного, обусловлена прямым (визуальным) восприятием.

В романе Б. Окуджавы и рассказах К. Паустовского модальное слово (*и*) *действительно* регулярно встречается в разных комбинациях монологической и диалогической речи: 1) диалогическая речь «врезана» в монологический фрагмент; 2) чередование монологической и диалогической речи. Исследуемая вводная еди-

ница стандартно занимает инициальную позицию в заключительном абзаце (или фразе), который является фрагментом монологической речи, выражающим результат ментального процесса наблюдателя.

Список литературы

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Группа единиц, связанных с идеей реальности (*действительно, в самом деле, на самом деле, в действительности*) // Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993. С. 76–104.

Беляева Е. И. Достоверность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 157–170.

Буглак С. И. Модальные слова и частицы как средство выражения подтверждения или опровержения достоверности сообщаемого // Русский язык в школе. 1990. № 2. С. 82–87.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Возражение под видом согласия // Облик слова. М., 1997. С. 137–147.

Корнилов А. А. Вводные элементы в русских речи: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ, 2003. 129 с

Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 285 с.

Перфильева Н. П. Правила употребления слова *действительно* // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. П. Перфильева. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1996. С. 47–55.

Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640 с.

Яковлева Е. С. Значение и употребление модальных слов, относимых к разряду показателей достоверности / недостоверности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 20 с.

N. P. Perflyeva

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation, perfisha@rambler.ru*

The modal word “(i) deystvitel’no”: semantics, textual potential

The subject of analysis is the modal word “(i) deystvitel’no” (“(and) really”) not only as a core marker of the modus category of consent but also as a syncretic marker of several modus categories (consent, authorization, reliability, perception, metatext). The paper focuses on the problem of interaction of these modus categories. The author identifies the components of modus semantics of the modal word concerned in the text fragments of different styles, combining a textocentric approach and distributive analysis. In scientific, memoir and publicist texts “(i) deystvitel’no” may be found in a dialogical or monological context on the boundaries of sentences: a) interrogative and non-interrogative; b) non-interrogative and non-interrogative. Not only is the modus semantics of agreement explicit in dialogical unity, but also the “confidence in the information to be reported” is emphasized. In monological text fragments, due to its semantics as the core marker of the modus category of consent, “(i) deystvitel’no” explicates the text categories of connectivity and dialogicity. As a syncretic marker of several modus categories, the modal word “(i) deystvitel’no” often plays the role of the indicator of authorization modus key (some “speaker”) and metatext and emphasizes “the confidence in the information to be reported.” The semantics of reaffirmation or consent, especially confident one, is due to the direct (visual) perception of the speaker.

In the novel by B. Okudzhava and the stories by K. Paustovsky, the modal word “(i) deystvitel’no,” in fact, is regularly found in the various combinations of monological and

dialogical speech. It occupies an initial position in the final paragraph and expresses the result of the observer's mental process.

Keywords: modal word, modus category of consent, authorization, reliability, perception, literary text, dialogicity, syncretism.

DOI 10.17223/18137083/70/19

References

Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina E. V. Gruppya edinits, svyazannykh s ideey real'nosti (deystvitel'no, v samom dele, na samom dele, v deystvitel'nosti [Group of units related to the idea of reality (deystvitel'no, v samom dele, na samom dele, v deystvitel'nosti)]. In: *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to discursive Russian words]. Moscow, 1993, pp. 76–104.

Belyaeva E. I. Dostovernost' [Authenticity]. In: *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [The theory of functional grammar. Modality. Temporality]. Leningrad, Nauka, 1990, pp. 157–170.

Buglak S. I. Modal'nyye slova i chastitsy kak sredstvo vyrazheniya podtverzhdeniya ili oproverzheniya dostovernosti soobshchayemogo [Modal words and particles as a means of expressing confirmation or refutation of the authenticity of the reported]. *Russkiy yazyk v shkole*. 1990, no. 2, pp. 82–87.

Bulygina T. V., Shmelev A. D. Vozrazheniye pod vidom soglasiya [Objection under the guise of consent]. In: *Oblik slova* [The word appearance]. Moscow, 1997, pp. 137–147.

Kornilov A. A. *Vvodnyye elementy v russkoy rechi: Ucheb. posobie* [Parenthesis-elements in Russian speech: Textbook]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University Publ., 2003, 129 p.

Perfilyeva N. P. *Metatekst v aspekte tekstovykh kategoriy* [Metatext in the aspect of text categories]. Novosibirsk, NSPU Publ., 2006, 285 p.

Perfilyeva N. P. Pravila upotrebleniya slova deystvitel'no [Rules for the using of the word deystvitel'no]. In: *Aktualizatsiya semantiko-pragmaticheskogo potentsiala yazykovogo znaka: mezhvuzovsk. sb. nauch. tr.* [Actualization of semantic and pragmatic potential of language sign: Interuniversity coll. of sci. art.]. N. P. Perfileva (Ed.). Novosibirsk, NSPU Publ., 1996, pp. 47–55.

Ryabtseva N. K. *Yazyk i estestvennyy intellekt* [Language and natural intelligence]. Moscow, Academia, 2005, 640 p.

Yakovleva E. S. *Znacheniyе i upotrebleniye modal'nykh slov, otnosimyykh k razryadu pokazateley dostovernosti / nedostovernosti* [The meaning and use of modal words, classified as indicators of reliability / unreliability]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1983, 20 p.